

АНТИКОР

КИРИЛЛ КАЗАНЦЕВ

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ БРИГАДА

КРЕМАТОРИЙ

Антикор

Кирилл Казанцев

Крематорий

«ЭКСМО»

2011

Казанцев К.

Крематорий / К. Казанцев — «Эксмо», 2011 — (Антикор)

Лучший боевик тайной антикоррупционной организации «Антикор» Андрей Ларин получает задание выяснить, что же происходит в одной из российских областей. Тамошний губернатор Радьков затеял какую-то странную возню в местном заповеднике. Лес опыляют с самолетов неизвестным химреактивом – якобы против клещей, на которых препарат, впрочем, совершенно не действует. А когда один из самолетов вдруг разбивается в лесу при странных обстоятельствах, руководство области спешит замять это происшествие... Руководство «Антикора» подозревает, что Радьков и его люди готовят некую крупномасштабную акцию, крайне опасную для жизни и здоровья местного населения. Ларин берется за дело – и сразу же чуть не лишается жизни...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Кирилл Казанцев

Крематорий

Глава 1

– Да нас просто используют, как дешевых шлюх! – Немолодой брюнет в потертой авиационной кожанке по-кавалерийски рубил воздух ладонью. – Неужели ты, Паша, сам этого не понимаешь?

– Мне тоже последние полеты показались подозрительными, – подумав, ответил собеседник, рыжеватый коротышка в синем пилотском кителе. – Ладно, Аркадий, наливай...

Выпивали в сосновом леске. От земли, прогреваемой солнцем, тянуло хвоей, грибами и прелой прошлогодней листвой. Сквозь субтильные заросли прорисовывался грунтовой аэродромчик сельскохозяйственной авиации. В стеклах контрольно-диспетчерской башенки сверкало заходящее солнце. Несколько стареньких «Ан-2» топырили свои стрекозиные крылья на зеленеющей лужайке. Тяжелый топливозаправщик осторожно выехал из-за ангара и пристроился к крайнему самолету.

Авиатор Аркадий аккуратно разостлал на пеньке газету, выставляя бутылку водки и граменные стаканы. Черный хлеб, банка тушенки, нож и пачка сигарет органично вписались в натюрморт.

– Ну, за все хорошее, – предложил он тост, разлив спиртное.

– Да уж, хорошего в нашей жизни все меньше и меньше, – вздохнул собеседник, но тем не менее чокнулся и выпил.

– Во-во. Особенно с последними полетами. – Аркадий выпил залпом, намазал тушеной хлеб, закусил. – Смотри: допустим, мы действительно распыляем какие-то химикаты от энцефалитного клеща, как нам и было сказано. Ты, Паша, вообще можешь припомнить что-то подобное? Чтобы наша сраная власть дефицитное авиационное топливо жгла якобы из-за заботы о здоровье населения? Да еще распыляет над заповедником, у которого федеральное подчинение... Ладно, поверим. Но почему в полетном листе у нас эти леса не указаны? Почему по документам мы работаем якобы по совершенно другим и, заметь, сельскохозяйственным объектам? Почему распоряжение об этих лесах в заповеднике только в устной форме? А главное – что это за химикаты такие, которые нам в распылительную систему загружают? Пытался выяснить – меня, заслуженного летчика, от моего же самолета отогнали! Не твое дело, мол...

– А что это может быть?

– А хрен его знает! Но дело тут очень темное и наверняка противозаконное... То, что это никакое не средство от энцефалитного клеща, и дураку понятно.

– Да ну-у-у! – недоверчиво протянул Паша. – Что наши власти – отраву какую-то над заповедником распыляют, словно американцы – «Эйджент оранж» над вьетнамскими джунглями? Да, скоты они там все, согласен. Но не до такой же степени! А главное, смысл им в этом какой? Понимаю, что за «зелень» они и мать родную зарежут. Но тут резона им нет никакого.

– А я вот в последнее время ничему не удивляюсь. Даже если узнаю, что наш губернатор Радьков решил таким образом все окрестные леса известить, чтобы освободившуюся землю в оборот пустить. Продать кому-нибудь, например. Или какую-нибудь хрень на освободившейся территории посадить. Да, и не забывай про обходную дорогу. В эту федеральную трассу масса денег вбухана. Я вот что, Паша, думаю. Боюсь, тут очень сильно паленым пахнет. Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным. А если это тайное когда-нибудь проявится – виноватыми нас с тобой сделают, как пить дать!

Вечерело. Глубокое синее небо над лесом прочеркивали острокрылые ласточки. От реки за аэродромом тянуло пронзительным холодком. Аркадий налил по полной, предложил традиционный авиационный тост «за чистое небо!»

– Ладно, а с этими левыми полетами ты что предлагаешь? – спросил Паша немного растерянно. – Так и дальше делать вид, что мы ничего не понимаем? А если действительно... выплывет?

– Я же говорю: неизвестно, где у этой истории ноги растут, где ее начало и во что она может вылиться. – Аркадий разлил остаток водки по стаканам, посмотрел через бутылку на свет и достал из сумки еще одну. – Но я на всякий случай решил подстраховаться. После полета в авиапыле всегда немного химреактивов остается. Вот я незаметно и слил оттуда в склянки... Не поверишь – это что-то типа эпоксидного лака, только жиденький очень. Пальцы, видишь, как опекло? – говоривший продемонстрировал руку с алыми следами ожогов. – Ну, уж точно не средство от энцефалитного клеща. Короче, одну склянку на всякий случай отправил посылкой в Генпрокуратуру, с соответствующей запиской: так, мол, и так, летчиков сельхоз-авиации заставляют распылять над заповедным лесом вот эту гадость, в полетных листах маршруты сознательно фальсифицируют, а что в авиапылы на самом-то деле заливают – непонятно. Пусть сами анализируют и делают выводы.

– Записка хоть анонимная? – прищурился собеседник.

– Паша, я ведь отставной гвардии майор авиации. В Афгане полтора года отслужил, две медали и орден имею. Там, зеленым летехой, почти никого не боялся. А тут почему-то боюсь всех. Начальника авиаотряда, козла вонючего, который, кроме как на пердючих «Анах», ни на чем больше не летал. Ментов наших, которые от нечего делать тебе морду могут набить и еще уголовное дело нарисовать. Всю эту шушеру из областной думы и губернаторского окружения. А ведь мне до гражданской пенсии – чуть больше чем три месяца, а точнее, – летчик извлек из внутреннего кармана глянцевого календарик с проколотыми датами, – ровно сто четыре дня. Скажи – мне на свою задницу именно сейчас все это правдолюбство надо? Выгонят, и еще какое-нибудь дело повесят о краже или халатности. А то ты не знаешь... Анонимка – она всегда надежней, особенно в таких скользких ситуациях.

– А если вычислят, что это ты?

– К тому времени я уже буду на пенсии. Главное, чтобы сюда какую-нибудь высокую серьезную московскую проверку прислали. Тогда колесо правосудия и завертится... А вот тогда я, как законный пенсионер, с удовольствием выступлю свидетелем. Хрен мне что сделают!

Позади хрустнул сучок – летчики синхронно обернулись. Метрах в пяти от них стоял нестарый еще мужчина с костистой физиономией свежемороженой щуки. Его выцветшие голубоватые глаза смотрели пронзительно и недобро. Глаза эти буквально гипнотизировали летчиков – в них читалась ненатруженная сила, нерасплесканная прорва жестокости. Это был Игорь Машлак, начальник аэродромной охраны – самый страшный человек в местном поселке авиаторов. По слухам, когда-то он работал в ФСБ большим начальником, откуда его выгнали то ли за самоуправство, то ли за пытки. Вместе с ним вышибли на пенсию и начальника областного управления, который перед уходом успел, словно падающий вратарь в броске, сплавить Машлака на новое место.

Несколько секунд начальник охраны смотрел на авиаторов круглыми белесыми глазами без ресниц и угрюмо молчал. Красноречиво взглянув на спиртное и закуску, он молча развернулся и зашагал прочь.

– Вот, сука поганая, и тут нас вычислил, – в сердцах сплюнул Аркадий. – Прямо цербер какой-то. Никуда от него не спрятаться!

– Имеем законное право расслабиться, – возразил Паша. – Завтра и послезавтра полетов нет, выходные. Лесок – не общественное место, выпивать тут не запрещено.

– Я о другом... Боюсь, чтобы он наш разговор не подслушивал. Неизвестно, сколько он тут за деревом прятался и что мог услышать.

– Сколько можно бояться! – отмахнулся Павел с беспечностью выпившего человека. – Ладно, темнеет уже. Давай еще пару стаканов накатим – и по домам. В понедельник встречаемся.

* * *

В понедельник первый вылет был запланирован прямо с утра. Как и в прошлый раз, в полетном листе был указан совершенно иной объект. Однако начальник авиаотряда показал в летной планшетке место, над которым следовало распылять загадочные химреактивы: березовый лес в гидрологическом заповеднике неподалеку от бесконечных торфяных болот и озера.

Спорить не приходилось: ведь летчик сельхозавиации – человек абсолютно бесправный. Выгонят из авиаотряда – куда потом в губернском городе по специальности устроишься? Пилот Аркадий и штурман Паша уселись в кабину. «Ан-2» чихнул, взвыл двигателем и, несколько раз подпрыгнув на неровностях грунтовок, майским жуком взмыл в яркое весеннее небо.

Самолет натужно полз вверх. Двигатель рокотал с умиротворяющим однообразием. Солнце радужно дробилось в пропеллере. Поднявшись на километровую высоту, пилот определил курс в сторону леса, темневшего за рекой. Внизу медленно проплывали черные весенние поля, серо-зеленый пролесок в полупрозрачной голубоватой дымке. Пруды серебрились, словно новые монетки. Пилот сосредоточенно сжимал штурвал, штурман то и дело поглядывал на приборы и в летный планшет.

Заложив плавный вираж, самолет принялся снижаться, чтобы распылить химреактив. Когда «Ан-2» снизился до расчетных тридцати метров, из аэропылов под крыльями повалил густой сизый шлейф. Загадочная химическая субстанция густо оседала на почве, деревьях, кустах сероватой липкой пленкой. Распыление длилось пятнадцать минут, пока не опустели емкости. Обработав указанный начальством участок, пилот быстро набрал высоту и развернул самолет в сторону аэродрома – дозаправить контейнеры химреактивом «от клеща энцефалитного».

Внезапно двигатель взвыл на тон выше, но вскоре зарокотал, как обычно.

– Что это? – обеспокоился штурман Паша.

– Самолет старый, его еще в прошлом году списать собирались, – пояснил пилот Аркадий. – Первый раз, что ли, такое?

Самолет дважды швырнуло в восходящих потоках и воздушных ямах. Спустя несколько минут слух авиаторов различил новые изменения в тональности двигателя. Теперь звуковая палитра обогатилась неприятным металлическим постукиванием.

Аркадий и Павел тревожно переглянулись. И тут «Ан-2» резко качнулся, словно напорвшись на невидимое препятствие. Двигатель зашелся в кашле, заработал с явными перебоями.

– Необходима экстренная посадка!.. – закричал через лингофон оскалившийся пилот. – Разобьемся ведь на хрен!

– Сажай на шоссе или на поле!.. – Штурман смотрел на карту, лихорадочно прикидывая подходящее для аварийной посадки место.

В этот момент самолет словно просел и ринулся носом вниз. Пилот с трудом перевел машину в пологое пике. Мотор натужно загудел, зашелся комариным звоном до пронзительной боли в ушах.

Экстренная посадка исключалась: внизу темнел заболоченный лес. Ни вырубки, ни шоссе поблизости не наблюдалось. Все попытки дотянуть хотя бы до поля, черневшего в каком-то километре, были тщетными. Неожиданно смолк двигатель, и это показалось самым страш-

ным. В нереальной тишине слышался свист вспарываемого самолетом воздуха. Резкий удар о землю, омерзительный скрежет ломаемого фюзеляжа, пронзительный звон разбиваемого стекла – это были последние звуки, которые слышали пилот и штурман.

* * *

Расследование авиакатастрофы началось на следующий же день. Губернатор Александр Михайлович Радков почему-то очень сильно обеспокоился катастрофой и сразу поставил поиски пропавшего самолета на личный контроль. «Ан-2» обнаружили к вечеру, в непролазном болоте, в тридцати километрах от аэродрома. При падении самолет не развалился на части и не загорелся, а вошел в мягкий и влажный торфяник почти по хвост. Поднимать старую, давно уже выработавшую ресурс машину было признано нерентабельным: из болота извлекли лишь тела погибших и «черные ящики», благо фюзеляж изнутри еще не успел заплывть тягучей болотной жижей.

Расследование длилось недолго: наспех собранная комиссия подписала документ, из которого следовало, что во всем виноват «человеческий фактор», то есть сами авиаторы. Мол, и маршрут был выбран неправильный, с отклонениями от полетного листа, и высота распыления химреактивов от энцефалитного клеща выбрана критически низкой.

Конечно же, люди, знавшие погибших, не поверили официальной версии: эти летчики считались едва ли не самыми опытными в отряде сельхозавиации. А уж дальнейшее и вовсе обескуражило родных и близких погибших: на следующий после похорон день в квартирах пилотов были произведены обыски, притом начальник охраны аэродрома Машлак оба раза выступал в качестве понятого. Ментов интересовали какие-то почтовые квитанции на посылку, отправленную в Москву, а также склянки с какими-то химическими реактивами. Ни квитанций, ни склянок они не нашли. Все это косвенно свидетельствовало: что-то с этой катастрофой нечисто. И оставалось лишь догадываться, какова же истинная причина аварии самолета...

* * *

– На кого работаешь? – Милицейский майор резко приблизил к лицу Андрея Ларина мощнейший галогеновый фонарь. – Колись, гнида! Мы про тебя все знаем...

В райотделовском кабинете было душно. Пахло лежалыми бумагами, сапожной ваксой и недорогой вареной колбасой. Вот уже целый час Андрей сидел тут на стуле, перед начальственным столом. Руки его были заведены за спинку стула и жестко скованы наручниками. Запястья уже не ныли, а разрывались от обжигающей боли. Несколько раз Ларин пытался подняться, однако угрюмый милицейский сержант, стоявший позади, всякий раз предотвращал эту попытку, с силой вжимая его плечи. Выждав несколько минут, истязуемый вновь пытался подняться, и тогда сержант подсекал ему упорную ногу тяжелым ботинком. Удар приходился точно по косточке, и Андрей всякий раз сдерживал себя, чтобы не вскрикнуть. Так продолжалось раз пять, однако Ларин не оставлял попытки подняться; это был единственный способ забыть о чудовищной боли в запястьях.

Все это время майор показательно не обращал на него внимания. Сидя за обшарпанным казенным столом, он шелестел бумагами, делал вид, что просматривает какие-то документы. Неторопливо заварил себе чай, минут десять трепался по мобильнику, ожидая, когда чай остынет. Намазал себе бутерброд и, чавкая, со вкусом съел. Затем на несколько минут вышел. Вернулся, полил цветы на подоконнике, выдавил прыщ на носу...

Наконец, этот спектакль начал надоедать даже ему. Взяв фонарь, правоохранитель долго светил истязуемому в лицо. Глазам Ларина сделалось больно до слез.

– Ну как, понравилось в «браслетах» сидеть? Это только начало, – пояснил майор, вытирая платком влажный рот. – Мы же с тобой еще плотно не работали. Можем сделать и хуже.

– Объясните причину задержания, – потребовал Андрей официальным тоном.

Майор показательно проигнорировал вопрос.

– Мы ведь знаем про тебя все. Ларин Андрей, бывший капитан наро-фоминского ОБОПа, бывший оперативник, осужденный за служебное преступление, срок до конца не отбыл... Кстати, а почему не отбыл, я так и не разобрался. – Мент продемонстрировал уголовное дело с его, Ларина, фотографией. – Входишь в некую тайную организацию по борьбе... м-м-м... с правоохранительными органами. А также с другими законными органами власти. Так? Та-а-ак. Твое личное дело я знаю почти наизусть.

– Если знаешь – чего же спрашиваешь? – хрипло ответил задержанный.

– Хочу узнать побольше. Что за организация, кто в руководстве, сколько вас всего, какая структура, какие цели преследуете, какими финансами располагаете, что уже успели натворить...

Самым гнусным было то, что ментовский майор говорил чистую правду. Именно в такой организации Ларин и состоял. Соответствовало истине и все остальное. Но откуда это известно милиционеру в обычном райотделе, каким образом вышли на него, Андрей не мог себе представить. Ларин в очередной раз попытался приподняться, но стоявший позади милиционер вновь резко подсек его ногу. Удар был выполнен искусно и с большой любовью к избранной профессии – Андрей прикусил губу почти до крови.

– Что, больно? – с показным сочувствием поинтересовался хозяин кабинета. – Но ведь пока еще терпимо, правда? По глазам вижу: терпи-и-имо. А вот это – похуже будет. – Майор с треском открыл выдвижной ящик письменного стола, извлек шнур с зачищенными медными проводами. – Один конец в розетку, другой – тебе в ноздри. Очень действенный способ; не знал ни единого человека, который бы это выдержал. Следов абсолютно никаких, ни одна медицинская комиссия не поверит, что тебя тут пытали. Будем говорить?

Едва взглянув на шнур, Ларин расширил глаза и хлипнул горлом. Из уголка рта побежала тоненькая струйка крови, голова его свалилась на грудь. Видимо, он потерял сознание.

– Какой нежный, однако... – с неудовольствием констатировал хозяин кабинета, подумал и кивнул сержанту: мол, отстегни наручники. – Воды принеси. Скопытится еще в кабинете, а мне потом отвечать.

Сержант освободил Ларина от «браслетов», сходил за чайником, сбрызнул лицо истязуемого водой. Тот, однако, так и не пришел в себя.

– Может, нашатырного спирта? – предположил сержант. – Или касторки какой-нибудь...

– Посмотри в аптечке, в углу...

Сержант сделал движение назад, встав к Ларину вполоборота. И тут случилось непредвиденное. Андрей, который вот уже несколько минут не подавал никаких признаков жизни, вскочил пружинисто и с неожиданной энергией засадил сержанту локтем прямо в солнечное сплетение. Тот согнулся, распылил рот и выпучил глаза. Следующий удар, сверху и вновь локтем – Андрей врубил менту прямо в темя. Сержант тут же обмяк и с деревянным стуком свалился на пол.

Все произошло очень быстро. Милицейский майор не сразу понял, как этот ффаер, еще недавно выглядевший абсолютно неживым, проявил такую агрессию. Схватив со стола авторучку, Ларин бросился на майора, одной рукой прижимая его за шею, а другой целя авторучкой в глаз.

– Только пикни, – зловеще пообещал Андрей. – Знаешь детскую песенку: «Хорошо тому живется, у кого стеклянный глаз, он не колетса, не бьется и сверкает как алмаз»? Не знаешь? Вот и узнаешь, если хоть одно лишнее движение...

– Кхэ... кхэ-кхэ... – прохрипел правоохранитель и инстинктивно дернулся, но в этот момент авторучка резко вжалась прямо под его глазное яблоко.

– Где твой «табель»? – прозвучал следующий вопрос. – В кобуре? Или ты там стакан носишь?

– В... в кобуре, да... – ответил майор, заметно бледнея.

Мягким вкрадчивым движением обыскав мента, Андрей извлек из кобуры «макаров» и, бросив быстрый взгляд на лежавшего перед столом сержанта, вжал ствол в затылок майора.

– Пропуск можешь выписать?

– К-к-какой?

– На выход из здания.

– М-м-м... мммогу, – промямлил мент.

– Ну так пиши, чего сидишь?

Мент трясущимися руками полез в сейф, достал пачку бланков, опасливо взял ту самую авторучку, стержень которой только что чуть не лишил его зрения...

– Время зафиксируй, – жестко потребовал Ларин. – Да не колотись ты так! Тоже мне, офицер... Смотреть противно!

Правоохранитель испортил два бланка – так у него тряслись руки.

– А теперь – извини! – Забрав пропуск, Андрей ребром ладони стукнул мента под кадык.

Тот зашелся в кашле, захрипел, и этого было более чем достаточно, чтобы Ларин успел приковать его наручниками к батарее центрального отопления. Сунул в майорский рот кляп, взглянул на свое личное дело, лежавшее на столе...

Как и предполагал Андрей, «досье» его оказалось туфтовым. Это было старое уголовное дело какого-то осужденного с вклеенной его, Ларина, фотографией. Фотография к тому же была старая, пятилетней давности, на которой задержанный не слишком-то походил на себя теперешнего.

Он искоса взглянул на сержанта, распластавшегося на полу. Тот по-прежнему не подавал никаких признаков жизни. Андрей осторожно подошел к двери, напряженно прислушиваясь к звукам в коридоре. Пропуск не гарантировал, что он спокойно покинет здание. Достаточно было кому-нибудь из ментов зайти в кабинет прямо сейчас, чтобы план бегства тут же сорвался. К тому же Ларин не знал, что это за райотдел, где он находится и каков его внутренний план. Полтора часа назад его схватили прямо на московской улице Ракетчиков, что в районе ВВЦ, скрутили руки, накинули на голову светонепроницаемый мешок, сунули в машину и сильно дали по голове. Очнулся он лишь в этом кабинете, со скованными за спинкой стула руками.

Из коридора то и дело доносились чьи-то голоса, хлопанье дверей и шарканье подошв. Андрей сунул майорский «табель» поглубже в карман и спокойно открыл дверь. К счастью, прямо напротив кабинета, рядом с пожарным краном, висела табличка: «План эвакуации при пожаре». Этого было достаточно, чтобы Ларин безошибочно определил, куда следует идти. Стараясь не привлекать к себе внимания, он неторопливой развалочкой отправился к лестнице. По дороге он встретил двоих правоохранителей, которые не обратили на него никакого внимания.

Теперь предстояло преодолеть главное препятствие – дежурную часть.

За толстенным стеклом, словно хищник в зоопарке, сидел немолодой подполковник. Ларин безмятежно улыбнулся и сунул ему пропуск. Мент пробежал глазами по бумажке, недоверчиво взглянул на Андрея с тем неохотным разрешительным выражением, каким вахтеры всех рангов показывают посетителям, что на этот раз их бумажки по какой-то мало достоверной случайности, ладно уж, сойдут, а на самом деле – есть за что их прихватить и даже посадить.

– Тебя же в наручниках доставили, – бдительно прищурился подполковник.

– Ошибочка вышла, – извинительным тоном пояснил Ларин. – Не за того приняли. Разобрались и отпустили.

– Ну, иди... коль ошибочка, – по размышлении ответил правоохранитель.

Выйдя из райотдела, Андрей поднял воротник куртки: у входа работала видеокамера наружного наблюдения, которая фиксировала всех входящих-выходящих. Отошел от ментуры подальше, невольно ускорил шаг: ведь сержант, лежавший в бессознательном состоянии на полу кабинета, вполне мог прийти в себя.

Ларин осмотрелся. Это был безликий бетонно-коробчатый район какой-то московской новостроечной окраины. Идентифицировать место более точно не представлялось возможным ни по номерам общественного транспорта, ни по метро; троллейбусных проводов не наблюдалось, равно как и станций метрополитена. А уж все без исключения московские новостройки практически неотличимы друг от друга: даже старожил, проживший в столице всю жизнь, вряд ли с первого взгляда отличит Царицыно от Выхино.

Моросило. Ветер тревожно шелестел молодой майской листвой. По проспекту мчались автомобили, вспарывая длинные лужи, словно торпедные катера. Из переулка выехал «Форд» с синими милицейскими номерами, однако не направился к райотделу, а почему-то остановился поблизости. Андрей на всякий случай свернул в проход между домами; как знать, может быть, в райотделовском кабинете уже сообщали его ориентировки по рации?

Где-то совсем рядом прогрохотал поезд. Видимо, железная дорога проходила за огромным массивом гаражей, отгороженным от высоток длинным серобетонным забором. Ларин спокойно, не оглядываясь, двинулся в сторону бесконечного гаражного лабиринта, еще недостроенного. И тут обострившаяся интуиция подсказала: за ним уже следят. Сворачивая за угол, он боковым зрением заметил мужской силуэт, срубленный сверху черным беретом. Человек в берете шел следом за ним. Это наверняка не был обычный прохожий; глаза мужчины в берете работали и отрабатывали именно Андрея.

Было очевидно: о его побеге уже известно, однако менты вряд ли решатся его брать даже тут, в относительно безлюдном месте. Видимо, им поступила команда: отследить беглеца, чтобы выяснить, где и у кого он может скрываться, на чью помощь рассчитывать.

Стрелять в соглядата из отобранного в райотделе пистолета было как минимум глупо. Да и тот мужчина в берете – чем он провинился перед Андреем? Следовало уходить в отрыв, но быстро и неожиданно...

Попетляв в бетонном лабиринте, Ларин быстро юркнул в узкое пространство между гаражами и, пробежав между бетонными плоскостями, оказался у раскрытых ворот. Впереди, сквозь редкие заросли, темнела железнодорожная насыпь с блестящими рельсами. По едва различимому нарастающему гулу можно было определить приближающийся поезд. Андрей вышел из ворот, свернул за угол и осторожно прильнул глазом к отверстию в бетонном заборе. Мужчина в черном берете уже выходил к воротам: видимо, он разгадал маневр Ларина и тоже воспользовался узким проходом между гаражами. Остановился, поправил в ухе наушник, поднес к губам микрофон и что-то тревожно спросил. Что, в свою очередь, означало: вероятно, за беглецом следит еще кто-то, пока невидимый. Но где этот соглядатай может быть, оставалось лишь догадываться.

Рельсы на насыпи гудели, и гудение это постепенно и неотвратно усиливалось. Мужчина в берете, постоянно оглядываясь, двинулся к воротам. Андрей напряженно взглянул в сторону насыпи: темно-зеленая электричка приближалась с басовитым воем. Андрей бросился к железнодорожному полотну и, скользя подошвами по влажному шуршащему гравия, успел-таки перебежать железную дорогу буквально перед самым составом. Теперь проходящий поезд на несколько минут скрывал от филера дальнейшие маневры Ларина.

Впереди, за приземистым пакгаузом красного кирпича, темнела безлюдная улочка, заставленная двухэтажными домами барачного типа. Добежать до нее следовало как можно

быстрее, пока не проехала электричка. Лишь свернув за угол пакгауза, Ларин почувствовал себя в относительной безопасности. К счастью, деньги у него не отобрали. Так что теперь следовало поймать «бомбилу»-таксиста, непременно частника, чтобы спокойно добраться до конспиративной квартиры.

И тут невеста откуда прямо на него выкатил черный «мерседесовский» микроавтобус с тонированными стеклами. Можно было и не сомневаться, что появился он по его душу...

Дверка раскрылась, и из чрева микроавтобуса вышел немолодой брюнет в стильном сером костюме и галстук неброских тонов.

– Андрей? – неожиданно улыбнулся тот. – Ну, все, хватит... Успокойся и расслабься. Это была проверка.

Ларин остановился, осмысливая услышанное. Тем временем из микроавтобуса вышли недавние мучители: милицкий майор и угрюмый сержант. На лицах их явно прочитывались искренние извинения.

– Простите нас, – насилу улыбнулся майор. – Нас самих иногда и не так проверяют! Вы же сами погоны носили, должны понимать!

– Что в каптерке выдали, то и носил, – сумрачно парировал Ларин.

– Пистолетик хоть отдайте, а? Тем более что это муляж. – Майор нервно закурил.

– Держи... Только курить при мне не надо – я табачного дыма на дух не переношу!

– Пришлось даже в роль ментов-садистов войти, – виновато вставил сержант из-за спины майора. – Иначе бы вы не поверили...

Простецки улыбнувшись, Андрей с неожиданным проворством ударил сержанта ногой прямо в косточку лодыжки. Тот ойкнул, присел, схватился за ногу.

– За что? – простонал он.

– За то, что в роль слишком хорошо вошел... Извини, коллега, но теперь мы квиты.

Мужчина в стильном костюме понимающе заулыбался. Приобнял Ларина за плечи, провел в микроавтобус, нацедил из термоса кофе.

– Все, все, проверка закончена. Это, – он кивнул в сторону майора и сержанта, – тоже наши люди.

– А согладтай? – уточнил Андрей. – Ну, которого я неподалеку от гаражного кооператива срисовал.

– Тоже, естественно, наш. Я, кстати, твой допрос в он-лайне наблюдал, там в кабинете скрытая видекамера была. Проверку ты, как и обычно, прошел безукоризненно. Я и не сомневался. У меня только один вопрос: ты в кабинете действительно сознание потерял? Или искусно симитировал?

– Притворился, Павел Игнатьевич. – Андрей с удовольствием отхлебнул горячий кофе, зажмурился.

– А кровь изо рта откуда?

– Пришлось себе язык прикусить. Для большей убедительности.

– Даже я в какой-то момент заволновался, хотел дать отмашку – мол, перестарались вы, товарищи, прекращаем.

– Все хорошо, что хорошо кончается... – Допив кофе, Ларин утомленно откинулся на подголовник сиденья.

– Ну, у нас с тобой теперь все только начинается. Слушай, если ты так хорошо умеешь имитировать обморочное состояние... Мог бы и другую роль сыграть?

– Какую? И где? – уточнил Андрей, уже догадываясь, что его ждет очередное задание.

– Где? Не в столице, далековато отсюда. В одном небольшом, но симпатичном губернском центре. А какую роль... – Павел Игнатьевич задумчиво глянул перед собой и неожиданно спросил: – Я знаю, ты когда-то фотоделом увлекался, правильно?

– Было такое по молодости. Художественной фотографией. Даже в выставках участвовал.

– Вот и прекрасно. Давай съездим за город, отдохнешь, поужинаешь, заодно и переговорим. Дело в том, что тамошний губернатор, Александр Михайлович Радьков...

Глава 2

Небо над городком Виланова, что на побережье Коста-Браво, дрогнуло, и в глубокой вечерней синеве заискрились разноцветные взрывы салюта. Огни медленно угасали, отражаясь в стеклопакетах стильной белокаменной виллы, стоявшей на берегу залива.

Во дворе, под пальмами, возвышался сервированный стол. При виде салюта гости отложили приборы и с пьяной дурашливостью захлопали в ладоши.

– Happy Birthday to you! Happy Birthday to you! – фальшиво пропел немолодой лысоватый мужчина и торжественно поднял бокал. – С днем рождения, Александр Михайлович!

Празднование дня рождения губернатора Радькова происходило на его вилле неподалеку от Барселоны, и на празднование были приглашены лишь самые близкие и доверенные: начальник областной милиции, начальник губернского МЧС и особо приближенный к телу бизнесмен. Губернаторская вилла предусматривала абсолютно все, начиная от зимнего сада и заканчивая автономным климат-контролем для каждой комнаты. Оранжерея радовала глаз буйством красок, бассейн во дворе – прозрачной бирюзовой водой, лужайка для крикета – ровным зеленым газоном. С террасы можно было спуститься к причалу, у которого белела роскошная мотояхта. Впрочем, и сама вилла, и яхта, и множество другого движимого и недвижимого имущества на десятки миллионов долларов, и даже сервированный стол формально считались собственностью не самого Радькова, а его жены Полины. Что, впрочем, ничего не меняло: в губернском центре, возглавляемом Александром Михайловичем, к нему давно уже приклеилась малосимпатичная кличка Саша-Пылесос, что говорило о многом...

Небо вновь расцветил салют – это было неременной деталью празднества. Фейерверк шелестел, свистел и раскручивался гигантскими огненными спиралями. Александр Михайлович, сидевший во главе стола с неизгладимым начальственным выражением, степенно обернулся к гостю, произнесшему тост.

– Спасибо за поздравление. Ну, как грится, Вадим Федорович, и тебе того же, – сдержанно улыбнулся он, помедлил, чокнулся и выпил.

Как первоприсутствующий в своей области, Радьков обращался ко всем подчиненным исключительно на «ты», однако это «ты» имело множество градаций. Милицейскому генералу Гигину он говорил «ты, Вадим Федорович», первому заместителю – «ты, Викторович», своему референту – «ты, Вася». Ко всем остальным он обращался просто «ты», потому как все эти люди давно уже утратили в его глазах индивидуальность, растворившись в святом и великом понятии «российский народ».

Гости, по очереди чокнувшись с хозяином стола за его здоровье, успехи и долголетие, выпили и потянулись к закускам. А уж закусывать было чем... Черной и красной смальтой застыли хрустальные розетки с икрой. Толстые спинки форели серебрились в нежной зелени. Копченый лосось щекотал ноздри витиеватым ароматом, а запотевшие хрустальные графины радовали взор и поднимали настроение. Сам же обеденный стол был выдержан в любимой стилистике российской элиты: «реплики» кузнецовского фарфора, матовый блеск антикварного столового серебра, белоснежный отсвет хрустящих скатертей.

– А почему горячее не несут? – обеспокоился Радьков.

Подавальщик в крахмальной куртке, беззвучно вдавливая штиблеты в гаревую дорожку, поставил на стол огромное блюдо с павлином. Птица выглядела словно живая: распущенный сюрреалистический хвост, широко расставленные крылья, маленькая головка на тонкой шее... Дождавшись, пока гости усладят взгляды, официант движением фокусника содрал с павлина чучело-чехол – тушка, разрезанная загодя, распалась на порционные куски.

– Не все, что внешне выглядит привлекательно, на самом деле прочно, – не удержался от обобщения вертлявый голубоглазый блондин в легкомысленной рубашке с пальмами. – Вот и некоторые государства...

– Что ты, Андреич, имеешь в виду? – недобро зыркнул на блондина губернатор. – Мы же русские патриоты.

Виктор Андреевич Бекетов, строительный олигарх губернского разлива, слыл во властных кругах человеком опасных для провинции взглядов. По непроверенным слухам, он даже придерживался нетрадиционной ориентации, что, впрочем, всячески опровергал не только словами, но и делом. Радьков не слишком-то жаловал Виктора Андреевича, однако обойтись без него не мог: строительный холдинг «Бекетов-инвест» фигурировал едва ли не в половине финансовых схем Александра Михайловича.

– Америку, конечно! – натужно заулыбался особо приближенный бизнесмен. – Распадется же на отдельные штаты, как пить дать! Как и весь этот бездуховный Запад...

– А-а-а... Так оно, конечно же, и будет! – хмыкнул Радьков и, скользнув взглядом по оранжее своей каталонской виллы, предложил: – Ну что, давайте еще по одной? Под горячее...

Взяв со стола рюмку, губернатор удивился тому, что она пуста, и неведомо откуда возникший официант бросился наполнять ее вновь. Александр Михайлович сделал едва заметную гримасу, дернул бровью, и официант стремительно исчез.

Выпили, закусили. Затем вновь выпили. За здоровье именинника. За единую Россию. За процветание родной губернии. Затем выпили просто так – безо всяких тостов.

Губернаторская жена Полина чокалась со всеми, однако почти не пила. Сидя одесную от мужа, она бдительно отслеживала степень его опьянения. Полина Радькова – сдобная платиновая блондинка – удивительно напоминала немецкие фарфоровые куклы девятнадцатого века. У всех мужчин, смотревших на губернаторскую жену, наверняка начинали чесаться пальцы от невыносимого желания ущипнуть ее за многочисленные беленькие и сладенькие выпуклости. Всегда приоткрытые розовые губки и наивные незабудковые глаза придавали Полине вид глупый и недалекий. Однако впечатление это было обманчиво: все, кто хорошо знал госпожу Радькову, отмечали ее железную хватку и острый порочный ум. По слухам, большинство финансовых схем, служащих обогащению губернаторской семьи, придумывала именно она.

Пригубив вина, Полина поставила на стол бокал, хищно взглянула на мужа в профиль.

– Шурик, может, хватит пить? – прошептала она в губернаторское ухо.

Вилка Александра Михайловича на секунду повисла в воздухе.

– Отысь, баба, – лениво отмахнулся он. – А то где мне еще бухать, как не на собственном дне рождения? В кабинете нельзя – какая-нибудь гнида обязательно в Москву стуканет. Дома нельзя – прислуга наверняка отчеты строчит. На даче нельзя – соседи увидят и вновь-таки сигнализируют, что я алкоголик. В московской гостинице и подавно нельзя – это само собой разумеется, там ведь все прослушивается и просматривается гэбьем. Имею я право хоть раз в году хорошенько нажраться?

– Один раз, когда тебя губернатором назначили, ты уже нажрался, – мстительно напомнила Полина. – Забыл, чем закончилось, или напомнить?

И действительно: пять лет назад, сразу же после назначения губернатором, Александр Михайлович накушался в хлам, сел за компьютер и с «Одноклассников» разослал всем знакомым одно и то же послание: «Вы все считали меня дебилом и гондоном, а я теперь доверенный человек президента и губернатор области!» Скандал удалось погасить лишь при помощи милицейского генерала Вадима Гигина; центр общественных связей местного УВД тут же опубликовал пресс-релиз, где прямо указывалось, что это гнусная провокация врагов новой России, врагов губернатора и проводимых им реформ. Мол, конкуренты наняли хакера, который взломал пароль и повесил сообщение от имени уважаемого члена российского истеблишмента. Что, в свою очередь, демонстрировало: в губернии существуют экстремистские силы и деструктивные

элементы, которым не по вкусу проводимый Александром Михайловичем курс. Идея, конечно же, принадлежала Полине Радьковой, которая даже пьяную выходку мужа сумела обратить в его выигрыш.

– Ладно, Полинка, шла бы ты погулять, – вполне доброжелательно посоветовал Александр Михайлович. – У нас тут чисто деловой мужской разговор. Ты уж извини – дела государственной важности, секретно, не для бабских ушей!

– Знаю я ваши государственные дела: бляди и водка, – буркнула Полина, но тем не менее поднялась из-за стола.

Знала, мужа остановить уже ничто не может. Алкоголь делал его иногда неуправляемым. Официант сменил степлившиеся бутылки на запотевшие, поменял тарелки и выдрессированно удалился.

– Так о чем говорить-то будем? – натужно улыбнулся начальник губернского МЧС Серафим Точилин, полный мужчина, похожий на провинциального метродотеля. – О делах или действительно о...

– О делах, о делах, – успокоил губернатор, подумал и собственноручно разлил всем спиртное. – Только давайте сперва еще по одной накатим. Как говорится, пока не нажрались...

Водки в Александре Михайловиче было уже не менее полукилограмма. И она начинала понемногу действовать. Вилка в его руке уже не отличалась точностью, однако ум еще не подвергся воздействию алкоголя.

– Ну, у нас за столом все свои, прослушки тут точно нету, не Россия... Так что давайте открытым текстом и без экивоков, – предложил он и, обернувшись к Точилину, спросил: – Что там у тебя с авиационным распылением?

– Пока все по плану, – степенно ответил тот. – На сегодняшний день обработано почти триста квадратных километров лесных массивов в четырех районах. Так что наш заповедник окажется лишь одной из территорий. Можно было бы и дальше опылять, но несостыковочка вышла с теми пилотами и с их «телегой» в Москву... А уж что дальше с ними произошло, ты и сам знаешь.

Радьков выразительно взглянул на милицейского генерала Гигина – мол, неужели нельзя было с этими нищими летчиками как-нибудь по-другому? Запугать, подкупить, наобещать. Или на худой конец просто утопить в речке. Мол, пьяные полезли купаться... «Никак нельзя!» – твердо ответил взгляд правоохранителя.

– И что дальше с этой кляззой может быть? – немного обеспокоился Александр Михайлович. – Они вроде даже тот химреактив умудрились в Москву отправить.

– Положили их письмо под сукно. А проверку информации нам поручили. Правда, дорого мне это стоило, – отмахнулся Гигин. – И в дальнейшем к их цидуле не вернутся. Да знаю я эту Генпрокуратуру: никто этими инсинуациями заниматься не будет! Во-первых, кляуза анонимная. Во-вторых, профита с этого дела никакого, наварить не с кого. В-третьих, предполагаемый отправитель погиб в результате собственной халатности. Но если и проявится какой-нибудь проверяющий, с ними Машлак быстро общий язык найдет. Не таким рога обламывал.

Малиновое солнце лениво переваливалось за серый срез тучи. Ласковая средиземноморская волна лениво шлепала в пирс за пальмами. Белоснежные чайки пикировали и подхватывались у самой воды. В предвечерней дымке берега белели нарядные коттеджи у моря, темнели эллинги со шверботами. В лучах закатного солнца золотились нагромождения скал.

– Если все получится так, как мы задумали – каждый из вас купит тут по такой же вилле, как эта, – пообещал Радьков. – Это как минимум.

– А как максимум? – вставил губернский олигарх Бекетов.

– Получит по особой благодарности президента... ну, орден «За заслуги перед Отечеством», почет, уважение... На новые должности назначат, может, даже в Москву переведут. А какие там перспективы – сами знаете.

– А можно еще раз, поподробней? – осторожно попросил эмчээсовский начальник Точилин. – Что-то я не очень въезжаю, схема уж больно сложноватая...

Александр Михайлович, откинувшись на стуле, пристально взглянул на собеседника, и по его взгляду сперва нельзя было определить – хочет он его обнять, успокоить, наставить или убить. Однако не обнял, не убил, а лишь произнес ласковым начальственным тоном:

– Для особо тупых, Серафим, еще раз рисую схему со всеми сопутствующими деталями. Регион наш, как всем вам известно, депрессивный. Производство стоит, смертность растет, народ уезжает. Каждый пятый мужчина – с судимостью. Живем исключительно на дотациях. Год из года эти дотации мне приходится в Москве выбивать... и чтобы все больше и больше. Тут ведь не только губернии как-то выживать надо, но и нам всем жить. И вот, если у нас в области... не дай бог, конечно же, начнется какое-нибудь серьезное стихийное бедствие, форс-мажор, который невозможно будет ликвидировать своими силами, который на соседние области сможет перекинуться, то я из Москвы столько бабла высосу, что и на ликвидацию хватит, и нам всем останется. Но и это еще не все: если мы это бедствие дружными усилиями ликвидируем, то наверняка заслужим респект и уважуху Кремля. Ликвидаторы из МЧС, – губернатор прищурился на Серафима Точилина, – за самоотверженную работу по локализации бедствия. Силы правопорядка, – он кивнул Вадиму Гигину, – за безупречное обеспечение законности. Бизнесмены в лице некоторых строительных компаний, – Радьков снисходительно улыбнулся Бекетову, – за оперативное освоение средств, направленных на восстановление. То есть интересы всех и каждого из нас тут учтены. Надеюсь, никто на меня не в обиде? А раз так – следует выпить, – довольно сощурился Александр Михайлович и принялся разливать спиртное...

* * *

– ...И этот губернатор Радьков – кстати, редкостная сволочь – накрал уже столько, что ему временами, думаю, самому страшно становится. О своей области никогда не беспокоился, а теперь вот вдруг крик на всю страну поднял: мол, областные силы МЧС будут бессильны что-либо противопоставить природным и техническим катастрофам. Надо их срочно переоснащать и дополнительно финансировать. Это при том, что никаких реальных катастроф не происходило и предпосылок для них нет. Очень подозрительно. Такие люди просто так ничего не делают. А катастрофа в будущем может оказаться и рукотворной. Подстроенной им самим. – Павел Игнатьевич Дугин зашелестел компьютерной распечаткой. – Вот его последнее выступление на Совете Федерации.

– Спасибо, я вам на слово верю, – устало кивнул Ларин. – Я понимаю, что и он наш клиент, но таких – половина руководителей в регионах.

– Это еще не все. В Генпрокуратуру поступило анонимное сообщение о том, что летчиков сельхозавиации заставляют распылять над заповедником вблизи от города какое-то странное вещество. Сообщение было вложено в посылку с образцом того самого вещества. Но образцы таинственным образом исчезли в недрах Генпрокуратуры, а анонимку отправили на проверку в ту самую область, где ее благополучно «похоронили».

– Кстати, а откуда у вас эта информация? Если, конечно, не секрет...

– От верблюда, – буркнул Дугин. – От одного прикормленного верблюда из Генпрокуратуры Российской Федерации. Сливают нам кое-что иногда. За это у него не возникает служебных проблем. Пока то есть не возникает. Остальное тебе знать не обязательно.

В загородном доме было тихо. Мужчины только что поужинали и теперь сидели у камина, обстоятельно беседуя о предстоящей командировке Ларина. Андрей, по своему обыкновению, цедил водку, запивая ее морковным соком. Дугин смаковал красное вино, то и дело поглядывая сквозь бокал на пляшущий в камине огонь.

– Никак не могу понять, зачем водку запивать именно морковным соком? – Павел Игнатьевич поджал губы, глядя на высокий стакан с ядовито-оранжевой жидкостью.

– Во избежание самовоспламенения водки в желудке, – улыбнулся Ларин. – А вообще, считайте, что это такое милое чудачество.

– Что-то ты слишком смелый стал в последнее время, – подначил Дугин.

– А без смелости в нашем деле никак, – парировал Андрей. – Кому, как не вам этого не знать...

Павел Игнатьевич Дугин возглавлял, ни много ни мало, мощнейшую и отлично законспирированную тайную структуру Российской Федерации. В отличие от большинства подобных организаций, эта структура не ставила целью свержение действующего режима с последующим захватом власти. Цели были более чем благородными: беспощадная борьба с коррупцией в любых ее проявлениях, и притом – исключительно неконституционными, незаконными методами.

Костяк тайной структуры составили те честные офицеры МВД, которые еще не забыли о старомодных понятиях «порядочность», «совесть», «присяга» и «интересы державы». Но одиночка, сколь благороден бы он ни был, не в состоянии победить тотальную продажность властей. Тем более коррупция в России – это не только гаишник, вымогающий на шоссе дежурную взятку, и не только ректор вуза, гарантирующий абитуриенту поступление за определенную таксу. Коррупция в России – это стиль жизни и среда обитания...

Начиналось все с малого. Офицерам, выгнанным со службы за излишнюю порядочность, Дугин подыскивал новые места работы. Тем более что его генеральские погоны и высокая должность в главке МВД открывали самые широкие возможности. Затем начались хитроумные подставы для «оборотней в погонах», этих самых честных офицеров уволивших. Для этого несколько наиболее проверенных людей были объединены в первую «пятерку». Вскоре организовалась еще одна. Затем – еще...

Заговор – это не обязательно планы улиц с крестиками, типографский шрифт за подкладкой, скрип кобуры и погоны по темным улицам. Залог любого успешного заговора и любой тайной организации – полное и взаимное доверие. И такое доверие между заговорщиками против коррупции возникло сразу же.

Вычищать скверну законными методами оказалось нереально; та же «внутренняя опасность» во всех без исключения силовых структурах занимается, как правило, только теми, на кого укажет пальцем начальство. К тому же корпоративная солидарность, тотальная продажность судов и, самое главное, низменные шкурные интересы российского чиновничества не оставляли никаких шансов для честной борьбы. И потому Дугин практиковал способы куда более радикальные, вплоть до физического уничтожения наиболее разложившихся чиновников. Точечные удары вызывали у разложившихся естественный страх; количество загадочных самоубийств среди них росло, и многие догадывались, что смерти эти далеко не случайны. Слухи о некоей тайной организации, эдаком «ордене меченосцев», безжалостном и беспощадном, росли и ширились, и притом не только в Москве, но и в провинции. Корпус продажных чиновников просто не знал, с какой стороны ждать удара и в какой именно момент этот удар последует. Что, в свою очередь, становилось не меньшим фактором страха, чем сами акции устрашения.

Сколько людей входило в тайную структуру и на сколь высоких этажах власти эти люди сидели, знал только Дугин. Даже в случае провала одной из «пятерок» структура теряла лишь одно звено, да и то ненадолго; так у акулы вместо сточенного ряда зубов очень быстро вырастают новые.

Самому же Ларину, бывшему наро-фоминскому оперативнику, бывшему заключенному ментовской зоны «Красная шапочка», бежавшему с зоны не без помощи Дугина, отводилась в законспирированной системе роль эдакого «боевого копья». И, как догадывался Андрей, –

далеко не единственного. Таких «копий» у Дугина наверняка было несколько. Пластическая операция до неузнаваемости изменила лицо бывшего опера – случайного провала можно было не опасаться. Жизненного опыта Андрея было достаточно, чтобы быстро ориентироваться в самых сложных ситуациях. Природного артистизма – чтобы убедительно разыграть любую нужную роль, от посыльного до губернатора. А вот профессиональные навыки Дугин требовал улучшать регулярно, посылая своего протеже на тренировки и полигоны. И проверки на лояльность были обычным делом – как, например, сегодня в райотделе...

...В камине негромко потрескивали дрова. Сполохи пламени перебегали по дубовым панелям стен, горячо мерцали отблески на ковре, вспыхивали на окнах конспиративной дачи. За стеклами было тихо и сумрачно. Желтые пятна редких фонарей, сизая мгла, черные полосы неровных теней. Ветер таскал по траве клочья бумаги, обрывки целлофана, занесенные сюда от недалекого шоссе. В перспективе аллейки мелькнула чья-то тень. Андрей вопросительно взглянул на Павла Игнатьевича и тут же оценил успокоительный жест – мол, дача охраняется, никто нас тут не увидит и не услышит...

Ларин доцедил водку, подумал, налил себе еще граммов сто.

– Ситуацию в этом губернском городе я более или менее представляю.

– Откуда? – прищурился Дугин. – Ты ведь там вроде бы не был.

– Типичная... Везде теперь по России такое: феодал, назначенный из Кремля, деятельно набивает себе мошну. Народ для него – что-то вроде расходного материала. Или же, в лучшем случае – «население», как для татаро-монгольских баскаков, сборщиков дани из Золотой Орды. Ободрал, скупился, записал имущество на жену, брата или свата – и можешь спокойно жить; и тебе, и твоим детям-внукам до конца жизни хватит.

– Правильно представляешь. И чем бедней регион, тем выгодней он для такого наместника. Потому что всякий раз можно приезжать в Москву и плакаться: неурожай, или наводнение, или эпидемия, или народ запил... короче, дайте денег, иначе на следующих выборах лояльности от населения не дождаться, а то и страшнее – устроят бунт, бессмысленный и беспощадный. А уж если половина этих денег до областного бюджета доходит – такой губернатор считается хорошим.

– То есть все эти форс-мажоры таким вот наместникам выгодны, – подытожил Ларин, выжидательно глядя на собеседника; мол, а в чем же связь между загадочным распылением какой-то гадости с самолетов сельхозавиации и региональной политикой Кремля?

– Есть мнение, что Радьков или его окружение как раз и готовят подобный форс-мажор. Катастрофу. Естественно, как им кажется, управляемую. Однако нет никаких гарантий, что она не выйдет из-под контроля. Возможны сотни жертв, тысячи бездомных. Только под такие результаты можно выжать из Кремля миллиардную помощь региону.

– Если говорить корректно, то это классифицируется как массовые убийства, – хмыкнул Ларин. – Однако... Неужели они на такое пойдут ради обогащения?

– Гильотину, как тебе наверняка известно, придумали не татуированные уголовники, а рафинированные гуманисты. Самые чудовищные преступления в истории человечества совершили люди, которые не пили водки, не курили, не изменяли женам и кормили белочек с ладони. – Павел Игнатьевич поставил на колени кейс, щелкнул наборными замочками, достал папку. – Вот более или менее полное досье на губернатора Радькова и его окружение. Изучи на досуге, занимательно. Настоящие тайны мадридского двора. Кто с кем спит, кто на ком зарабатывает, тайные и явные симпатии-антипатии... Там, кстати, еще один конфликт в полном разгаре. Новая федеральная трасса должна пройти через заповедник, сносится жилье в пригороде. «Зеленые» волну погнали, протесты организовали. Скандал принял государственный масштаб. В Кремле вроде решили временно притормозить стройку и разработать альтернативный вариант. Короче говоря, там «два, а то и три в одном».

– Посмотрю. – Ларин спрятал папку. – И когда мне в этот город отправляться? А главное, в каком качестве? Вы там что-то про фотодело говорили...

– Сейчас вся эта братия в Испании, празднует день рождения Радькова. И, думаю, прикидывает конкретные планы. Так что время у тебя есть. А вот легендировать мы тебя решили очень неожиданно. В губернию ты отправишься в качестве известного столичного фотохудожника... Адонис Даргель – слышал о таком?

Ларин прищурился.

– Вроде был на его выставке в Доме художника на Крымском валу. Вполне преуспевающий казенный портретист, из тех, у кого лучше всего получаются ордена на пиджаках командиров... Эдакий Никас Сафронов от фотографии. Постойте, постойте – что значит в качестве Даргеля? А сам он где?

– В экваториальной Африке, по заказу одного тамошнего диктатора снимает портреты всех его жен... И будет не скоро.

– А если появится?

– В ближайшие полгода – не появится.

– Так мне что, под этого Даргеля гримироваться? – искренне удивился Андрей.

– Гримироваться не надо. Адонис Даргель сам почти ничего не снимает, за него целая группа талантливых ассистентов работает. Легендируем тебя как его брата, тоже фотохудожника. Вот и отправишься с вполне легитимными документами из его творческой мастерской к Радькову – якобы в Кремле посоветовали сделать его фотографии как прогрессивного российского управленца. Сам Адонис порекомендовал для этой работы своего брата – Адриана, это чтобы тебе к новому имени не пришлось привыкать. Адриан – Андрей. Для провинции лучше и не придумаешь.

– Я туда один отправлюсь?

– Нет, не один. На этот раз у тебя будет помощник. Неофит – недавно вошел в нашу организацию. Инициативен, исполнитель, пока ничего важного ему не поручал, естественно, лично с ним не встречался, конспирация. По отзывам тех, кто имел с ним дело, вполне годится. Работа с тобой – по большому счету, его проверка на профпригодность.

– Можно было обойтись без курсов повышения квалификации. Я преподаватель жесткий и временами несправедливый.

– У меня свободных людей нет. Дело твое, как мне пока кажется, не первостепенной важности. Вот и подготовишь парня. Потренируешь «на кошечках». Зовут его Валентин.

– Такой же Валентин, как и я – Адриан?

– Тебе-то какая разница? Вот адрес московской квартиры, которую я ему предоставил. – Дугин вручил ключ и показал карточку с написанным от руки адресом, почти тут же опустил ее в карман; знал, что Ларин уже «сфотографировал» ее взглядом и запомнил.

– У меня есть выбор?

– Времени на то, чтобы присмотреться к нему и решить, у тебя сутки.

– Присмотреться и проверить на профпригодность, – криво усмехнулся Ларин, вспоминая, как совсем недавно проверял его на лояльность сам Дугин, и это после нескольких лет преданной службы на благо организации. – Все методы допустимы?

– В разумных пределах, – не сразу сообразив, о чем идет речь, ответил Дугин.

– Могу и по морде ему заехать? И допрос с пристрастием учинить? – хитро прищурился Андрей.

Дугин поморщился, поняв, что Ларин подловил его:

– Хочешь устроить ему испытание по армейскому принципу: «дед» воспитывает «салагу»? Твое право. Ты же знаешь мой принцип. Полная свобода действий, но только в рамках поставленной задачи. А теперь внимательно слушай и запоминай...

Глава 3

Ларин звонить не стал, заявился как хозяин. Открыл дверь своим ключом и поставил на пол в прихожей сумку. Обычная московская квартира постройки восьмидесятых годов прошлого века, немного облагоустроенная ремонтом с использованием современных строительных материалов. О Валентине, к которому предстояло присмотреться, она не могла сказать ровным счетом ничего – ведь и он, как сам Андрей, был здесь лишь временным жильцом.

От этой встречи для новичка зависело многое. Первое впечатление, как считал Ларин, самое непредвзятое и правильное. Это потом человек может обаять тебя хитро построенными фразами, войти в доверие.

Из меньшей комнаты вышел и внимательно глянул на Ларина мужчина лет тридцати. Короткая стрижка, тренированное тело. По виду – младший офицер МВД, скорее всего из «следаков».

Андрей намеренно не произнес ни слова, просто стоял и смотрел. По его взгляду трудно было сориентироваться, что у него на уме. В глазах можно было прочитать что угодно, даже то, что человек просто случайно оказался в этой квартире и недоумевает, кого он видит перед собой.

«Занял меньшую комнату, значит, отдает себе отчет, кто здесь старший», – решил Андрей.

Первое впечатление оказалось не со знаком «плюс», но и не со знаком «минус». «Нулевое», можно сказать. Новичок не подал виду, что ждал другой встречи со своим наставником, будто так и надо, протянул руку и произнес:

– Валентин, – справедливо полагая, что Андрей сейчас назовет себя.

Ларин руки не подал, имени не назвал, ткнул пальцем в пачку сигарет, лежавшую на тумбе для обуви, и произнес:

– С этой секунды в квартире не курят. Даже на кухне.

– Понятно.

– Вот и отлично. Времени у нас мало. Пошли. – Ларин подхватил сумку и двинулся в комнату.

Письменный стол, телевизор, раскладной диван, торшер... Обстановка полностью обезличенная. Андрей принялся выкладывать на стол содержимое сумки, затем уселся на диван, закинул ногу за ногу. Новичок устроился в кресле, выжидаяюще смотрел на Ларина.

– Выглядишь ты неплохо, – признался Андрей. – Тренируешься, спиртным, как понимаю, чрезмерно не увлекаешься, хотя и трезвенником тебя назвать сложно. Ну, а курение – твое личное дело. Если из-за него при беге не появляется одышка, то простительно. А побегать нам с тобой придется.

– Стараюсь. – Валентин явно хотел понравиться своему наставнику, а потому и отвечал сжато.

– Главное, чтобы пагубные привычки делу не мешали. Ну, а теперь скажи-ка ты мне, почему оказался здесь?

– В каком смысле?

Андрей приложил руку к сердцу:

– Почему ты решил, что на службе от тебя будет меньше пользы, чем в тайной организации? Только честно, насколько это возможно.

Валентин секунды три молчал, затем начал осторожно, словно боялся ошибиться с ответом.

– Противно стало смотреть на то, что в стране творится, – произнес он.

Ларин кивнул, ответ был предсказуем, ведь и в вопросе он намеренно заложил подсказку, упомянув о «пользе». Неофит продолжил:

– С коррупцией только так и можно бороться...

Ларин слушал уже вполуха. Звучали правильные слова о продажных чиновниках и о крышующих фирмы офицерах-силовиках, о том, что они позорят страну и власть в глазах собственных граждан да и всего мира. Слова звучали, однако Ларин вывод уже сделал и поставил экзаменуемому первый «минус». По его мнению, их не следовало говорить. Настоящий профессионал и искренний человек избегает громких слов, не говорит о пользе своего занятия. Так, хороший хирург обычно – страшный циник. От него не дождешься высоких рассуждений о своей профессии. Он может рассказать историю о том, как у пациента, оперируя его в канун Нового года, коллеги забыли в брюшной полости зажим, зашили живот, и что из этого вышло. Но никогда не станет своими словами скучно пересказывать клятву Гиппократу. Разве что на трибуне в день профессионального праздника.

– Отлично. Я тоже так думаю. – Ларин приподнял руку, останавливая приступ красноречия и всем своим видом показывая, что доволен ответом.

– Теперь я могу узнать, куда мы направляемся и что предстоит делать? – спросил Валентин.

– Правильный вопрос. Ко всему следует себя психологически подготовить. Пока узнаешь только, куда направляемся, – обрезал Ларин. – В Кострому, – он назвал первый город, который пришел ему на ум. – Остальное – по ходу дела. И, прибыв на место, прежде всего мы должны будем узнать, установлена ли за нами слежка.

– Проверка будет со стороны нашей организации?

– Нет. Слухи о ней распространились очень широко. Никто из коррупционеров уже не сомневается в ее существовании. И это одна из наших целей. Страх сковывает продажных чиновников. Но одновременно постоянно предпринимаются попытки проникнуть в нее, развалить изнутри, вычислить тех, кто состоит в наших рядах. Так что осторожность прежде всего. В первую очередь заинтересуются нашими вещами, документами и бумагами, носителями информации. Жить нам предстоит в гостинице. Поэтому никаких свидетельств принадлежности к организации в номере быть не должно. А слишком любопытных следует сразу же вычислить.

– Каким образом?

– Ловушка, – сказав это, Ларин подошел к письменному столу, взял в руку сложенные стопкой записную книжку, личные документы с демонстративно торчащими из них железно-дорожными билетами, пачку с компакт-дисками. – Каждый из нас должен будет наверняка знать, заглядывал ли к нам в номер в наше отсутствие кто-то посторонний, рылся ли в вещах. – Андрей выдвинул ящик стола, положил на дно стопку, вновь задвинул. – Первое, чем поинтересуется проникший в номер, – информация. Она здесь, в записной книжке. Поэтому просто приклеиваем к краю ящика тонкий волосок. Если ящик будет выдвинут, волосок разорвется. Все понятно? Теперь приклей волосок сам. – Ларин протянул миниатюрный тюбик с прозрачным клеем.

Валентин сделал все с первого раза:

– Удалось?

– Потренируйся и на других ящиках в своей комнате. Когда выдвигаешь, волосок должен рваться посередине, ни в коем случае не там, где он приклеен. А я пойду, душ приму.

Ларин забросил на плечо полотенце и отправился в ванную комнату. Задвинул экран душевой кабинки и включил воду. Минут через пять вернулся в комнату уже в махровом халате, на ходу вытирал волосы. Присел у стола, осмотрел работу, выдвинул верхний ящик.

– Получается. А теперь, как самый молодой из нас, стоняй в магазин и купи хороший коньяк. – Андрей хрустнул купюрой, наперед зная, чем обычно люди Дугина снаряжают холо-

дильник в конспиративных квартирах. – Насухую трудно общаться, если видишь человека впервые.

Ларин угадал – именно коньяка в холодильнике и не нашлось. Валентин отказался брать деньги на спиртное:

– Я мигом, – набросил куртку и покинул квартиру.

Андрей склонился к письменному столу. Волосок, приклеенный им, был цел. Но это не могло обмануть бдительность бывшего опера. Ларин выдвинул ящик, аккуратно взял в руки записную книжку и раскрыл, цокнул языком.

– Так я и знал.

Между страниц не оказалось нескольких крошек, предварительно положенных им туда. Присмотревшись, Ларин обнаружил их на ковре; значит, его записную книжку напарник успел полистать, пока он мылся в душе. Это еще не означало стопроцентно, что Валентин – «засланный казачок». Но работать с человеком, проявлявшим излишнее любопытство к напарнику, он не собирался. Влажный халат вернулся на свое место в ванной комнате. Через минуту Ларин уже покидал квартиру.

Во дворе им никто вроде не заинтересовался. Лишь какой-то алкашистого вида мужичок сидел у соседнего подъезда на лавочке, пластиковая бутылка с пивом пряталась между его ног. Острый взгляд Ларина тут же вычислил на его ухе малоприметную, прикрытую вязаной шапочкой – не по погоде – телефонную гарнитуру. Любитель пива из-под опущенных век проводил Андрея взглядом, тронул клавишу на гарнитуре пальцем и зашевелил губами, тихо обращаясь к абоненту по ту сторону линии связи.

Ларин вышел к стоянке такси, но, соблюдая меры предосторожности, не стал брать машину из очереди, а пройдя немного вперед, просто махнул рукой, останавливая первое попавшееся транспортное средство.

– На Казанский вокзал, – бросил он водителю.

Место назначения Андрей выбрал так же случайно, как и город Кострому в разговоре с Валентином – назвал первое пришедшее на ум. Никуда уезжать из города сегодня он не собирался. Через боковое стекло Ларин мельком увидел Валентина. Его несостоявшийся напарник застыл посреди улицы с мобильником, приложенным к уху. В пакете с эмблемой супермаркета угадывалась бутылка коньяка.

– Кажется, я не ошибся, – пробормотал Андрей и покосился в зеркальце заднего вида.

Водитель такси, первым стоявший в очереди, проигнорировав приближающуюся к нему клиентку, вырулил со стоянки и двинулся следом. На светофоре Ларину удалось разглядеть, как тот поднес к губам микрофон рации. Устраивать подобные акции могли только две силы: или же сам Дугин, или же те, кто хотел уничтожить организацию. Дугина Андрей сразу отмел. Последняя проверка на лояльность прошла накануне. Вскоре такси затерялось в потоке машин. Но Ларин не сомневался, что «топтуны» за ним просто сменились.

«Хвост» следовало грамотно вычислить и оторваться от него. А любой вокзал с его инфраструктурой – идеальное место для этого. Выйдя из машины, Андрей быстро зашагал к входу в вокзал. Уже на ступеньках оглянулся. Преследователи прокололись, как он и ожидал, да иначе и быть не могло. От неприметных «Жигулей», притормозивших под запрещающим знаком, уже перебирались через ограждение двое мужчин в куртках и безо всякого багажа.

Ларин все еще не подавал вида, что заметил слежку. Подпустил «топтунов» поближе и умело повел их за собой. Свернул за угол и, оказавшись на время в невидимости, рванул что было силы. В длинном и гулком коридоре имелось несколько дверей: по торцам «вход» и «выход», а в середине спуск к туалетам и к камерам хранения. Именно в последнюю дверь и свернул Андрей. К проему в стеклянной перегородке, разделявшей полки с багажом, оставленным на хранение, выстроилась небольшая очередь. Понятное дело, что забирали свои сумки

те, чей поезд уже стоял на перроне. Дамочка, стоявшая у самого проема, нервничала, поторапливая носильщика:

– Можно скорее? – говорила она высоким неприятным голосом. – У меня поезд через десять минут отходит.

– Успеете. – Носильщик поставил перед ней два увесистых чемодана.

Дамочка, пытаясь, потащила их к лестнице. Ларин догнал ее уже на ступеньках:

– Позвольте, помогу. – Он улыбнулся одной из своих очаровательных улыбок – абсолютно не наглых, а располагающих к доверию. – Мне тоже на саратовский, так что по дороге.

Дамочка охотно рассталась с чемоданами. Такие, даже если и захочешь, бегом от владельца не упрешь. Вверху лестницы как раз зарисовались «топтуны». Но тут же сделали вид, что просто ошиблись дверью. Ларин с двумя чемоданами и его спутница миновали их. Теперь Андрей был спокоен. Пока он этого хочет, отслеживающие его будут плестись за ним.

По платформе сновали носильщики, толпились отъезжающие и провожающие.

– У меня девятый вагон. – Дамочка уже вытащила билет и паспорт; ей явно хотелось, чтобы услужливый, приятной внешности мужчина оказался в дороге поближе к ней.

– У меня дальше, – махнул рукой Ларин, даже не представляя себе, с головы или хвоста начинается нумерация вагонов. – Но я вам помогу, вы не волнуйтесь.

Проводница проверила билет и не стала возражать, чтобы Андрей занес багаж своей спутницы в купе. Чемоданы легли на верхнюю полку. Дамочка слегка игриво склонила голову.

– Вы так помогли мне. Даже не знаю, как вас отблагодарить.

Ларин уже стоял в коридоре, краем глаза наблюдая за двумя «топтунами», совещавшимися на платформе у подножки вагона. Андрей многозначительно посмотрел на номер купе и вкрадчиво произнес:

– Вот только устроюсь и зайду к вам в гости.

Он шагнул проходом, минуя один вагон за другим. Пассажиры устраивались на своих местах, прощались с провожающими. Андрей выглянул на платформу. Его соглядатаи уже поднимались в вагон.

– Ну, вот и отлично.

Ларин покинул поезд и затерялся среди вокзальной публики.

Уже на выходе из метро он снял трубку и сунул в прорезь таксофона карточку. Оператор, осуществлявший связь с Дугиным, тут же снял трубку. Андрей говорил экспромтом. Условные обозначения для его несостоявшегося напарника заранее не были обговорены, но Ларин не сомневался, что Дугин, получив его сообщение, поймет, в чем дело.

– Передайте бригадире, что напарник, которого мне дали, злоупотребляет спиртным. Пьяный пришел на работу. Я его отправил домой. Так что плитку на кухне у заказчика буду класть один. – Андрей повесил трубку и, сунув руки в карманы, вышел на улицу.

Дальнейшая судьба Валентина представлялась ему туманной. С ним могло произойти все, что угодно.

«С напарником оно легче, но только не с таким. Что ж, не в первый раз мне действовать в одиночку. Как-нибудь справлюсь».

Андрей вытащил из кармана связку автомобильных ключей и принялся их перебирать.

* * *

На проходной летного поля сельхозавиации было многолюдно. В конце рабочего дня за турникетами под выцветшей доской почета перед столиком выстроилась очередь. Пройти мимо и не остановиться на глазах у товарищей не мог позволить себе ни один из авиаторов летного отряда, ни даже самый последний рабочий из обслуживающего персонала. На стене, выкрашенной синей масляной краской, скотчем были приклеены распечатанные на прин-

тере траурные портреты погибших летчиков. Председатель профсоюзной организации собирал деньги на помощь семьям погибших. День был выбран удачно для такого мероприятия – пятница. И как раз выдали аванс. Сдавали, правда, не помногу – в сельхозавиации люди не богатые. Но зато поголовно. Мятые купюры ложились в аккуратную стопочку. Профсоюзный лидер записывал фамилии и суммы в ведомость. Спросили бы его, зачем? Так и сам бы не смог ответить, ведь дело добровольное. Сказывалась привычка к порядку в делопроизводстве.

В самом конце очереди топтались двое немолодых мужчин – грузчики со склада ядохимикатов и удобрений. Самые распоследние люди в иерархии местного учреждения. Красные щеки и сизые носы свидетельствовали об их приверженности к дешевому алкоголю. Никто из коллег их давно уже не называл по имени. Клички приклеились намертво. Добродушного с виду толстяка все называли Борманом, за внешнее сходство с кинематографическим персонажем из знаменитого сериала «Семнадцать мгновений весны». Его долговязому приятелю досталась менее экзотическая кличка – Полтора Ивана, хотя звали его на самом деле Василием.

– По сколько сдавать будем? – Борман сжимал в кулаке потертый кошелек.

Полтора Ивана тоже еще не решил, с какой суммой он готов расстаться.

– Кто сколько сдает. Вроде как меньше сотни и дать-то неприлично. Вот, если бы ты «перекинулся», сколько бы тебе положили?

– Да, меньше сотни никто бы не кинул.

В руках у грузчиков появились неприглядно затертые сотки. Они последними и исполнили свой долг перед погибшими товарищами. Борман уже было направился к двери, а Полтора Ивана словно раздумывал – последовать за товарищем или же вернуться к столу.

– Ты чего? – поинтересовался Борман. – Не будешь сегодня, что ли?

Что именно «будешь», среди подобной публики обычно не уточняется. Явно имелся в виду поход в магазин. Полтора Ивана уже собрался открыть рот, чтобы пояснить свое поведение, как тут же испуганным голубем выпорхнул за дверь. На проходную со стороны территории вышел начальник охраны Машлак. Он что-то сердито буркнул профсоюзнику, после чего тот быстренько стал собирать разложенные на столе ведомости и деньги. Вскоре исчез и сам стол. Машлак, оставшись один на один с траурными портретами на стене, криво сощурился, а затем сорвал их, скомкал и бросил в урну.

– Вот же гнида, – хмыкнул Полтора Ивана, – пусть бы повисели, хоть до сорока дней.

– Все равно, мужиков не вернешь. – Борман выразительно посмотрел на витрину магазина. – Так чего ты там сказать хотел?

– Покойный Аркадий мне неделю назад триста рублей одолжил. Никогда не отказывал. Но и я ему всегда возвращал с полочки без вопросов. А вот теперь и вернуть некому. И что с этими деньгами делать? Не жене же его нести. Еще подумает, что я ему больше должен был. Бабы, они такие.

Решение сложного морального вопроса напрашивалось само собой.

– Такие деньги никому счастья не принесут, если их на жизнь пустить, – убежденно произнес Борман. – Их только пропить и можно.

– Верно, – не стал спорить Полтора Ивана.

Отоварившись в винно-водочном отделе, грузчики призадумались. По здравому рассуждению за погибших следовало выпить на их могилах, но до кладбища ехать – через полгорода. А водка и пластиковые стаканчики были совсем рядом – в пакете.

– Думаю, за летчиков не грех у самолетов выпить, прямо под небом, по которому они летали.

Любая, даже охраняемая, территория всегда имеет тайные тропы, беспрепятственно связывающие ее с остальным миром. Борман и Полтора Ивана пролезли сквозь дырку в проволочной сетке и зашагали по дну мелиоративной канавы к тому месту, которое в авиаотряде принято было называть «островом погибших самолетов». Туда, поближе к леску, оттаскивали

отслужившие свое машины, предварительно сняв с них все, что могло бы пригодиться в качестве запчастей.

– Вот самое что ни на есть подходящее место, чтобы помянуть погибших, – пафосно произнес Борман, усаживаясь под крылом древнего биплана «Ан-2».

С деревянного каркаса свисали обрывки покрытой лаком материи. Грузчик прислонился к сдутой крышке шасси и посмотрел в небо.

– Где-то там их души летают.

– Душа на сороковой день с земли отлетает, – отозвался Полтора Ивана и добавил: – Вот за это и выпьем.

Помянули погибших. Пили, как и положено, не чокаясь. Ради такого дела Борман даже забраковал пластиковые стаканчики. В кабине полуразобранного «Ан-2» нашлись граненые стаканы, оставшиеся то ли от прежнего экипажа самолета, то ли от предыдущей компании любителей выпить на «острове погибших самолетов».

– Я из авиации никуда не уйду, – вздохнул Борман, разливая водку, – хоть и предлагали сторожем на склад стройматериалов. Романтика, – и негромко затянул: – «Под крылом самолета о чем-то поет зеленое море тайги...»

– Неладное у нас последним временем творится. Вот ты мне скажи, почему вчера мы с тобой это самое средство от энцефалитного клеща целый день обратно в машину загружали? И куда его от нас повезли?

– Начальству виднее. Может, на утилизацию. А может, нашли кому толкнуть дорожку, чем покупали.

– А еще все документы по нему со склада забрали. Теперь вот ребята на приколе стоят, никто не летает. Голый тариф в конце месяца получают.

Борман приложил ладонь козырьком к глазам. По узкой дорожке к зданию управления катил новенький «мерседесовский» автобусик с затемненными стеклами. Солнце бликами переливалось в нем. Автобусик остановился, ждал совсем недолго. С крыльца сбежал Машлак, нырнул в салон. Машина тут же развернулась и резво покатила к воротам.

– И вот так каждую пятницу, – многозначительно произнес Борман, – приезжают за ним и увозят. Дома он не ночует. Я же по соседству живу. Окна квартиры темные. Привозят только в понедельник прямо на работу. Когда первый раз за ним так приехали, я уж думал, что нашего Машлака арестовали. Ан нет, в понедельник как огурчик: счастливый и светится весь.

Микроавтобус выехал за ворота и покатил в сторону города.

– У богатых свои причуды, – отделался расхожей фразой Полтора Ивана.

– У богатых? У него что, зарплата, как у директора банка? – возмутился Борман. – Раз богатый, значит, ворует.

– А что тут у нас украдешь? – пожал плечами Полтора Ивана. – Ну, бензина пару бочек на полеты списать можно и налево загнать. А все остальное на хрен кому надо. Я вот тоже этого самого средства от клеща пару канистр себе отлил. Думал, от него и колорадский жукдохнет. Теще в деревню завез. А вот жена вернулась и говорит, что ни хрена это средство не действует. Как ползали, так и ползают жуки эти полосатые. Так что толку от него никакого. Зря только ребята погибли. У нас все вот так через задницу делается.

Грузчики со склада ядохимикатов приподняли стаканы, выпили.

– Во, еще один клоун едет. – Борман указал заскоружлым пальцем на старый, колониального вида «Ленд-Ровер», тащивший за собой серебристый жилой трейлер вдоль сетчатого забора летного поля.

– Этот точно не к нам. Видать, иностранец. Решил в заповедник наведаться на рыбалку или охоту. Только и там порядка нет. Все до ручки добились. Это же надо, в заповеднике охоту разрешают. Богатым за деньги...

* * *

Покидать Москву на поезде Ларин не рискнул, ведь вокзал – это не только идеальное место, чтобы оторваться от погони, но и «точка», где потерявшегося беглеца легко выследить. Поэтому в путешествие он отправился на машине. Из автопарка, который предоставил ему в полное распоряжение Дугин, Андрей выбрал старый «Ленд-Ровер»: угловатый, с запаской, укрепленной на капоте, с платформой для багажа на крыше. Такая машина и вместительный серебристый жилой трейлер, на взгляд Ларина, отлично соответствовали образу известного фотографа, чьи фото помещали такие солидные издания, как «Нейшнл Джеографик».

К губернскому центру он добрался ближе к вечеру. Сверяясь с картой, объехал город по окраине. Первая точка, которую он хотел посетить – это место падения самолета. Там многое могло проясниться. И ясно было, что если авария была подстроена, то следы преступления постараются замести как можно быстрее. Вот и следовало не терять время, а побывать в этом месте, которое располагалось на окраине заповедника.

Колониального вида «Ленд-Ровер» привлекал внимание других водителей. Автолюбители даже сбавляли скорость, чтобы получше рассмотреть легендарную машину.

– А вот и тот самый аэродром сельхозавиации. – Ларин всматривался в проплывавший за сетчатой оградой пейзаж.

Ажурные контуры бипланов, складские помещения, цистерны с топливом, диспетчерская башня на крыше двухэтажного здания управления. За летным полем старая дорога уходила прямо, а вот новая, еще строящаяся федеральная трасса, если судить по направлению, вела прямо к заповеднику. Земляное полотно казалось хорошо укатанным, а «Ленд-Ровер» с его двумя ведущими мостами легко мог пройти по любому бездорожью.

Андрей свернул вправо. Дорогу, являющуюся частью новой федеральной трассы, строили с размахом. «Ленд-Ровер» лихо мчал по широкой земляной насыпи. За серебристым трейлером клубилась пыль. В перспективе виднелась замершая дорожная техника, за ней крыши какого-то большого пригородного поселка, подступавшего к синеватой стене вековых деревьев заповедника.

– Именно над ним и разбрызгивали эту непонятную дрянь, – припомнил Ларин.

Проехав еще метров пятьсот, он понял, что впереди творится что-то экстраординарное. Виднелись милицейские машины, пара автобусов, в каких обычно на место массовых беспорядков привозят ОМОН. Две девушки в джинсах, по виду студентки, бежали по дороге оттуда, оглядываясь. Андрей затормозил, встав у них на пути.

* * *

– Девушки, вы куда так спешите?

– Туда менты приехали. Всех хватают, задерживают.

– А что такое?

– Вы не знаете? Мы против строительства дороги через заповедник протестуем. И местные с нами. Они же три деревни снести хотят. А людям в какой-то глухомани жилье обещают. Кто же из пригорода уезжать захочет? Беспредел. Вы лучше туда не езжайте, они всех без разбора хватают. Прямо фашисты какие-то.

– Мне это не грозит. Я журналист.

– Свободу слова вспомнили? Вы что, с Луны к нам свалились? Вы иностранец?

– Неужели все так серьезно? – изобразил удивление Андрей.

Девушки, завидев, как один из стоявших вдалеке милицейских автобусов двинулся к ним, замахали на Ларина руками, буквально скатились с насыпи и побежали через поле. Им на перехват со стороны деревни уже мчались двое верзил в милицейском камуфляже.

– Однако, кажется, я оказался в нужное время и в нужном месте.

Андрей вернулся к машине, повесил себе на шею фотоаппарат с объективом телевиком, прицепил к кармашку рубашки бейдж «ПРЕССА» и, прихватив сумку, пошел пешком к столпотворению. Милицейский автобус, грузно ревя мотором, проплыл мимо него на низкой передаче. За стеклами виднелись задержанные, некоторые были явно избиты. Пыл сопротивления еще окончательно не выветрился из них. За стеклом двери мелькнуло суровое лицо омоновца. Наверняка ему хотелось остановить автобус и выяснить, какого черта здесь появился человек с камерой. Но автобус и так еле полз, рискуя забуксовать на пересохшем песке.

Ларин зашагал дальше. В конце свежесооруженной насыпи замерли самосвалы, грейдер, пара бульдозеров, катки. Между ними сновали люди, мелькали милицейские камуфляжи. Кто-то надсадно скандировал в мегафон.

– Фа-шис-ты! Фа-шис-ты!

Возле строительной техники толпились дорожные рабочие. Двое из них, завидев Андрея, двинулись к нему. Ларин смерил взглядом верзил. На тех, за кого они себя выдавали, мужики походили слабо: короткие стрижки, на руках не виднелось следов мазута. Смотрели на пришельца мрачно, исподлобья. Один сжимал в руке увесистый молоток, второй – монтировку. Внимание «дорожников» больше всего занимали бейдж с броской надписью «ПРЕССА» и профессиональная фотокамера.

– Ты, фраер! Куда разогнался?

Мужики заступили Андрею дорогу.

– А что? Какие-то проблемы? – очень корректно осведомился Ларин.

– У нас проблемы?

– Ты что, слепой? Не видишь, что это там у таких, как ты, возникают проблемы?

Андрей шагнул вперед. Владелец молотка придержал его за плечо.

– Русского языка не понимаешь? Поворачивайся, и чтобы я тебя больше здесь не видел, пока мы добрые.

Ларин молча сбросил чужую увесистую руку со своего плеча.

– Да что ты с ним разговариваешь? – осклабился владелец монтировки. – Дай пару раз по кумполу, подумаешь, пресса!

– Достали эти журналисты.

Владелец молотка замахнулся, чтобы ударить по объективу фотокамеры:

– Небось твой фотик пару тысяч зеленых стоит. Не жалко будет?

Ни один мускул на лице Андрея не дрогнул. Он даже не переставил ноги, чтобы занять стойку. Ударил резко, от плеча – прямо в нос. Скрюченные пальцы так и не дотянулись до лямки фотокамеры. Молоток упал в песок. Верзила пошатнулся, схватился за разбитое лицо и заскулил. Ларин несильным ударом в пах заставил его упасть на колени.

– Во, мля, щелкопер, – глаза второго «дорожника» округлились.

Конец монтировки принялся описывать в воздухе замысловатые фигуры. Мужик явно насмотрелся боевиков и воображал себя воспитанником монастыря Шаолинь. Справиться с ним с той легкостью, с какой удалось уложить его напарника, было уже сложно. Мужик понял, что перед ним не просто тщедушный журналюга, единственное оружие которого – бейдж и фотокамера.

– Да мы при исполнении. Ты что, не понял еще? Щас объясню.

– Тот, кто при исполнении, форму носит и удостоверение предъявляет. А пока мои действия квалифицируются как самооборона, – спокойно говорил Ларин, усыпляя бдительность противника и отслеживая передвижение монтировки.

Андрей был уверен – переодетый в дорожника сотрудник МВД достаточно прост. И если уж стал размахивать монтировкой, то попытается нанести удар именно ею. У человека с таким лицом в голове могло быть не больше одной извилины, и на многоходовые комбинации он просто не был способен.

Вжик! Плоский кончик монтировки вспорол воздух и прошелся точно по тому месту, где только что была голова Ларина. Пригнувшись, Андрей перехватил руку и резко повернул ее. Монтировка выпала. Последовали короткий удар в солнечное сплетение и бросок через плечо. Нападавший сам оказался лежащим на песке и, кажется, еще не осознавал этого.

– Отдыхай.

Ларин сделал пару шагов – и тут же почувствовал, что сзади что-то происходит.

Уклонился он вовремя. Монтировка просвистела в полуметре от него и воткнулась в свежую насыпь.

– Я же сказал, отдыхай!

Андрей развернулся и, не теряя времени, шагнул к поднимавшемуся с колен «дорожнику». Тот только успел поставить блок перед лицом. Сильный удар ноги опрокинул его. Мужик не удержался на крае насыпи, отъехал вместе с песком и покатился по крутому откосу.

– Ничего себе тут сотрудников МВД легендируют, – повел плечами Ларин.

Тем временем крик «Фашисты!» уже летел не только из мегафона. Ему вторило несколько десятков голосов. Андрей решительно направился к концу насыпи. Теперь побоище можно было рассмотреть в подробностях. У бульдозеров виднелось несколько молодых людей, приковавших себя к строительной технике цепями. Менты в камуфляже никак не могли справиться с замками. При этом они не переставали пинать прикованных, заставляя их подняться. Другие стражи порядка пытались растащить усевшихся кольцом молодых парней, крепко державших друг друга под руки. На головы протестующих сыпались удары. В центре живого кольца сгрудились девушки и пожилые люди. Именно оттуда, повинувшись выкрикам, усиленным мегафоном, и несло то самое «фашисты!». Тех, кого удавалось вырвать из живого кольца, милиционеры волокли по песку и забрасывали в автобус.

Ларин поднял фотоаппарат и принялся щелкать затвором. Насыпь обрывалась перед большой деревней. На фасаде ближайшего дома виднелась криво выведенная черной краской надпись: «Господа дорожники, не погребайте нас заживо». К покосившемуся забору были привязаны древки с российскими флагами, словно наивные жители полагали, что этот символ государственности остановит надвигающуюся на них широкую насыпь федеральной трассы.

Долго щелкать Андрею не позволили. Какой-то лейтенант с перекошенным от злобы лицом подлетел к нему и закрыл ладонью фотообъектив. Если бы перед Лариным оказался сержант, то Андрей не стал бы тратить время на разговоры – бесполезно. Но до разума офицера все-таки был шанс достучаться.

– Товарищ лейтенант, руку от объектива уберите. Я не мешаю исполнять полученный вами приказ, вы не мешаете мне работать. Пресса, – и Ларин приподнял запаянный в пластик бейдж. – Вспомните российское законодательство.

Что-то в голове младшего офицера «щелкнуло». Наверное, в своей глухомани он впервые услышал нечто подобное, а потому задумался. Андрей сделал шаг в сторону и вновь принялся щелкать затвором. Живое кольцо правоохранителям удалось разорвать, и теперь они уже всей сворой рвались к мужчине с мегафоном. Девушки визжали. На пытавшихся закрыть их собой парней опускались дубинки.

– Ваши документы, – каменным голосом проговорил лейтенант.

Ларин отцепил бейдж и подал его милиционеру, в надежде, что тот все-таки вспомнил о том, к чему его обязывает закон. Что-что, а проверить документы он имел право. И тем самым на время помешать Андрею производить съемку.

– Пресса... артстудия Адониса Даргеля... Адриан Даргель... фотограф, – чуть ли не по слогам прочитал страж порядка.

От обилия информации у него наверняка переключило мозги.

– Какую газету представляете, я спрашиваю, журнал какой? – вырвалось у лейтенанта. – Какая на хрен студия?

На помощь к подчиненному уже спешил грузный капитан и эскорт из двух сержантов.

– В чем дело, лейтенант? – Капитан смотрел перед собой и словно не замечал Ларина.

– Вот, товарищ капитан, пресса снимает. О законе говорил. – И лейтенант подал бейдж своему командиру.

– Верно говоришь, – капитан заглянул Андрею в глаза, – прессе мешать в ее работе мы не должны. Только какая ты на хрен пресса? – И он размашистым жестом метнул бейдж за кромку насыпи.

Тот заскакал по комьям земли, блеснул пластиком и потух.

– Не было никакого документа, – развел руками капитан и улыбнулся собственной сообразительности. – Докажи, что мы его видели. Учить и учить тебя еще надо службе, лейтенант. А теперь в автобус его к остальным.

Ларин не сопротивлялся. В спешке никто даже не снял с него камеру, не забрал сумку. Двое сержантов потащили его в автобус. Салон небольшого «ПАЗа» был уже наполнен под завязку. Молодые люди в майках с эмблемами какого-то «зеленого» движения, несколько пенсионеров из числа тех, кто регулярно посещает любые оппозиционные мероприятия. С этой публикой Андрею все было понятно – вечно протестующие при любой существовавшей до этого в России власти. Но было среди них и несколько нестандартных персонажей. Какой-то небритый дед в стеганой фуфайке, пара женщин с обветренными лицами, одетых так, словно их выдернули прямо с частного подворья, когда они вышли покормить скотину или насыпать зерна курам. К двери стал амбал в камуфляже, створки закрылись, и автобус тронулся с места.

– Куда едем? – поинтересовался кто-то с «камчатки», прозвучало довольно весело для той ситуации, в которой находился спрашивающий.

– На расстрел, – так же весело отозвался конвоир. – Завезем в лес на хрен всю вашу компашку и закопаем.

– Заманаетесь яму копать, мусор.

Мент обиделся и принялся выискивать глазами того, с кем вел диалог в переполненном автобусе.

– Я тебя запомнил. Приедем в отделение, вот эту самую дубинку тебе в рот засуну по самые яйца и сосать заставлю.

– Выслуживайся, выслуживайся, – пользуясь теснотой, оставаясь незамеченным, проговорил недоступный для сержанта протестант. – Вы все только и умеете, что Радькову задницу лизать. Сменится губернатор, самому сосать придется.

– Выгонят, снова трактористом работать пойду, – отозвался конвоир.

Ларин попрощался взглядом со своим «Ленд-Ровером» и серебристым жилым трейлером. Автобус катил к городу, и Андрей решил воспользоваться моментом, чтобы окончательно понять, в какой ситуации оказался.

– А что тут, собственно, происходит? – спросил он у девушки, державшейся с ним за один поручень. – Давайте, я потеснюсь, а то вы на одной ноге стоите.

– Спасибо, но и вам же не в воздухе висеть. Ничего, если я вам на ногу стану?

– В тесноте, да не в обиде, – примирительно сказал Ларин. – Просветите о здешних реалиях. Я человек здесь случайный.

– Еще один под раздачу попал, – обратилась девушка к соратникам по борьбе. – Вы фотожурналист?

– Что-то вроде этого.

Пока автобус катил к центру города, Ларин прослушал вполне толковую и вменяемую лекцию о противостоянии, возникшем в городе. Строящаяся федеральная трасса, согласно проекту, естественно, с народом не обсуждавшемся и готовившемся кулуарно, должна была пройти прямо через заповедник, обходя город с юга, практически уничтожив охраняемый природный объект. Также под снос уходило две деревни в пригороде, что-то около тысячи домов. Их обитателям предлагали взамен снесенного жилья «равноценную» замену – пустующие дома на периферии губернии, аргументируя, что они теряют жилплощадь не в городе, а в районе. Потому замена им и положена в границах области. С несогласными расправлялись, их запугивали. Нескольким активистам даже проломили головы, якобы при обычном хулиганском нападении. Нападавших, естественно, не нашли. Конфликт выплеснулся за пределы области. И в Москве даже решили приостановить стройку, чтобы рассмотреть альтернативный, предложенный «зелеными», вариант – обойти город с трассой новой федеральной дороги по северному направлению. Но местный олигарх от строительства Бекетов продолжал отсыпку по старому проекту, буквально погребая поселок. Вот активисты и решили провести акцию протеста.

– Значит, всему виной Бекетов? – с наигранной наивностью поинтересовался Ларин.

– Тут у нас все так запутано-переплетено, что стороннему человеку разобраться трудно.

– Ну, конечно, власть и бизнес едины.

– У всех наверху свои интересы. После Бекетова самый богатый человек в области – это жена Радькова.

– Радьков – ваш губернатор? Это его «пылесосом» называют?

Время, проведенное в дороге к центральному отделению милиции областного центра, было потрачено не зря. Андрея неплохо просветили. И теперь он знал о местных реалиях практически столько же, сколько и всякий продвинутый активист местных «зеленых».

Милицейский автобус нырнул в длинную темную арку старого дома и остановился во внутреннем дворе. За стеклами виднелись пара милицейских «УАЗов» и самодовольный майор в окружении подчиненных.

– А как же обещанный расстрел? – раздалось с «камчатки».

– Не торопись, будет тебе и расстрел, и палка в глотку, – хохотнул конвоир, спускаясь с подножки. – Выходить по одному. Руки за голову. Становиться лицом к стене.

Глава 4

В «обезьяннике» на всех места не хватило. Поэтому задержанных разместили в обширном холле райотдела. Молодые люди без комплексов расположились прямо на полу. Группа девчонок издевательски затянула песенку «В лесу родилась елочка...» Охранявшие правонарушителей менты не сразу въехали в подтекст. Сообразили лишь, когда прозвучали строчки про мужичка с топором, который срубил елочку под самый корешок. Только теперь до них дошла связь между новогодней песенкой и уничтожением заповедника.

Ларину, как старшему по возрасту, уступили место на фанерной банкетке. Рядом с ним оказались и те самые две студентки, которых он повстречал на насыпи. Им так и не удалось убежать от омоновцев.

Милицейский конвейер работал быстро. Протестовавших против строительства вызывали в кабинеты по двое, по трое, на составление протоколов уходила максимум пара минут. Вызывали не по фамилиям, а просто «по кругу». Сперва тех, кто сидел ближе к краю, затем и их соседей. Исчезли за дверью и две студентки. Вышли почему-то хихикая. Показали Андрею пальцы, растопыренные в виде латинской буквы «V», и их снова погнали в автобус.

– Набьют автобус и сразу на суд повезут. Там уже все готово, – подсказал Андрею один из активистов.

Настала очередь идти в кабинет и Ларину. Он, конечно же, еще до задержания на насыпи мог воспользоваться документами, предоставленными ему Дугиным, от которых в провинции даже высокие чины вытянулись бы по струнке. Но Андрей справедливо считал, что сможет узнать о местных нравах и проблемах значительно больше, оказавшись в шкуре рядового задержанного. Но стать самым обычным человеком Ларину не удалось – все же представитель прессы.

В кабинете ему даже предложили сесть. Майор, которого он видел еще из автобуса, теперь восседал за письменным столом, обложенный бумагами. На журнальном столике живописно расположились фотокамера Андрея и его сумка. Понятно было, что хорошо изучить ее содержимое менты не успели. Иначе бы зашел совсем другой разговор.

– Думал, если журналист, то ничего тебе и не будет? – Майор курил, стряхивая пепел в жестянку из-под растворимого кофе, окурков в ней было набито под самый верх. – Только не учел, что журналисты у нас делятся на правильных и неправильных. Правильные на конференцию, которую губернатор по поводу прокладки федеральной трассы устраивает, приехали. А неправильные суют свой нос, куда не следует.

Лейтенант, сидевший за приставным столиком, вопросительно посмотрел на майора:

– Что писать будем? Может, справлял естественные надобности в общественном месте? А?

– Это мы уже в протоколе тем двум сикухам написали. Надо масштабней мыслить. Инициативу проявлять, – ухмыльнулся майор. – Пиши, что нецензурно выражался в адрес сотрудников милиции, находящихся при исполнении, не выполнял их законные требования, цеплялся за форменную одежду.

– Он меня за руку схватил, не давал объектив ему закрыть, – подсказал лейтенант.

– Значит, добавь, что пытался тебя укусить. С таким протоколом ты уже штрафом в несколько минималок, как эти две сикухи, не отделаешься. Тут уже «сутками» пахнет.

В Ларине проснулся бывший опер.

– А может, я совсем не тот, кто вы думаете? Вы даже личность мою не установили.

– Как же? – ухмыльнулся майор и похлопал ладонью по лежащему на столе паспорту, после чего тут же скроил страшное лицо. – Умный очень! Из Москвы приехал! Так вот и не лезь в чужой монастырь со своим уставом. Висяков у нас много, что хочешь пришьем, хоть

изнасилование трехлетней давности. Лейтенант говорил, что ты там о законе о прессе вспоминал. – Майор явно был не прочь порисоваться перед столичным гостем, а потому особо и не спешил с оформлением протокола. – Так вот, запомни, народ не зря поговорку придумал: «Закон, что дышло, как повернешь, так вышло». Народ мудрый. У нас все по закону делается. И протокол на тех двух телок лейтенант абсолютно законный составил. Думаешь, я не знаю, что они там на дороге естественных надобностей не справляли? Но где-то же, когда-то справляли. Я, если захочу, все сделать смогу. Вот, скажем, ты на вокзале в туалет зашел. Встал у писсуара и отливаешь, а к тебе наряд, пройдемте. Вокзальный туалет – общественное место? Общественное, раз спиртное распивать там не положено. А ты там естественную нужду справляешь. Вот и получи протокольчик.

Майор засмеялся собственной шутке.

– У вас, майор, уже и с судом наверняка договорено, кто и сколько получит. Только проставить осталось.

– Правильно мыслишь. Без этого никак нельзя. Зачем судей от серьезных дел надолго отвлекать? Пусть убийцами, насильниками и ворами всерьез занимаются. А тут же все понятно – они против власти пошли, должны поплатиться. Знали наперед, что с ними будет, и полезли. Вот и нечего обижаться. Власть уважать надо. Ладно, я не кровожадный. У журналистов свой хлеб, у нас свой. Короче, мы с твоего фотоаппарата все снимки стираем. Ты больше в наши дела не лезешь и сегодня же вечером возвращаешься в Москву. Протокольчик у нас лежит. Это на случай, если ты чего вякать соберешься. Идет?

– Во-первых, у меня фотоаппарат не цифровой, пленка заправлена, стереть не получится, только засветить. Профессионалы высокого класса только на пленке и работают. А во-вторых, не согласен я с вашим предложением.

– Это почему? – изумился майор.

Ему и в голову не могло прийти, что Андрей откажется от великодушного подарка.

– Потому что я еще двоим вашим сотрудникам по дороге к месту проведения акции морду набил. Правда, они в штатском были и не представились. Пришлось защищаться. Они первые напали.

У майора сперва челюсть отвисла от такого признания, затем он глянул на лейтенанта. Тот утвердительно кивнул – мол, было такое ЧП. Вот только в запарке и не выяснили пока, что это тот самый задержанный журналист натворил.

Ларин смотрел на майора спокойно и уверенно, как человек, знающий, что ничего плохого случиться с ним не может по определению. Вот этот-то уверенный взгляд и заставил майора засомневаться в своей правоте. Почувствовал человек в погонах, что за Лариным стоит нешуточная сила.

– А ты чего такой смелый?

– Сумку раскройте. Там на дне папка лежит. Внутрь загляните, все и поймете.

– Лейтенант, – майор указал взглядом на сумку.

Молодой офицер услужливо расстегнул замок-молнию и положил папку перед своим начальником.

– Журнал какой-то, – Майор взял в руки красочно изданный гляцевый журнал «Российский фотомир», прочитал вынесенный на обложку заголовок: «Наш фотограф в мировой топ-десятке».

На обложке крупным планом был изображен Андрей Ларин, которому теперешний премьер жал руку и благосклонно улыбался в камеру.

Естественно, и фото, и журнал были подделкой, умело изготовленной в организации Дугина. Ларин даже сомневался – существует ли такой журнал в реальности? Но незамысловатая хитрость сработала. Майор сразу же обмяк, потерял былую уверенность, перешел на «вы».

– Что там еще у вас? – дрогнувшим голосом поинтересовался он, даже боясь прикоснуться к бумагам.

В его глазах читалось, что он проклиняет себя за излишнюю откровенность с задержанным.

– А еще там рекомендательное письмо к вашему губернатору с просьбой посодействовать мне, как фотографу, в создании фотоцикла «Сто лиц России».

Милицейский начальник быстренько отыскал письмо с державной «шапкой» и, когда увидел рядом с подписью: «заместитель главы администрации президента...», погас окончательно.

– Вы уж извините, ошибка получилась. Сами видели, что творилось. Не сообразили мои подчиненные. Неправильно отреагировали. Я виновных накажу, вы не сомневайтесь. И с этими фотографиями вы уж как-нибудь не очень. Знаете, ведь можно и так подать, что правоохранительные органы будут скомпрометированы. А это власть все-таки. Вы же человек державный, я так понимаю...

– Я подумаю, – произнес Андрей, понимая, что стал хозяином положения. – И еще, мой бейдж, который ваш капитан с откоса выбросил, попрошу вернуть.

– Найдем обязательно. Доставим. – Майор вертел в руках приглашение на завтрашнюю конференцию, которую организовывали губернские власти. – Это не ваша машина «Ленд-Ровер» с прицепом на трассе осталась?

– Моя.

– А то никаких документов в кабине мы не обнаружили. Если вы не против, мы ее на стоянку возле нашего Белого дома перегоним. Конференция там открывается. А вас прямо сейчас в служебную гостиницу доставим. Про номер не беспокойтесь, самый лучший будет. А я пока в приемную губернатора о вас доложу. И чего вас на стройку понесло?

– Я не только на конференцию приехал, и не только над проектом «Сто лиц России» работаю – это побочный для меня продукт. В рекомендательном письме еще о другом проекте написано – «Дикая природа». Мне и в вашем заповеднике снимать предстоит. Так что лучше свяжитесь с его руководством, чтобы мне там место под стоянку отвели. Не зря же я с трейлером приехал. Там у меня и фотолаборатория. Надеюсь, ваши люди там поковыряться не успели, аппаратура бешеных денег стоит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.